

УДК 159.9.019

ПРЕДТЕЧИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: А.А. УХТОМСКИЙ

Н.И. Нелюбин^а

^а Омский государственный педагогический университет, 644099, Россия, Омск, Набережная им. Тухачевского, д. 14

Проанализированы концептуальные истоки постнеклассического мышления в отечественной психологии. В качестве конкретной цели методологического исследования выступает реконструкция идей А.А. Ухтомского, содержащих положительную эвристику для эпистемологического корпуса системной антропологической психологии. Автор раскрывает их описательно-конструктивный потенциал и применяет в целях рефлексивно-методологической амплификации профессионального мышления. В качестве наиболее эвристичных для постнеклассической психологии идей А.А. Ухтомского рассматриваются концепты «доминанта», «хронотоп», представления о темпоральном характере смыслополагания, проектно-конституирующем характере психического отражения, жизненно-аффективном измерении человеческого мышления, неравновесности живой психологической системы.

Ключевые слова: постнеклассическая психология; транспективный анализ, мышление; мысль; доминанта; хронотоп.

Эпистемологический корпус современной постнеклассической психологии продолжает понятийно оформляться и обогащаться новыми, антропологически ориентированными методологическими инструментами [1, 2], с помощью которых решается сложнейшая исследовательская задача, связанная с постижением многомерного становящегося бытия человека, темпоральное существо которого мыслится как трансцензус (М.К. Мамардашвили), хронотоп (М.М. Бахтин, А.А. Ухтомский), ансамбль осуществленных и неосуществленных возможностей (М. Боос). Подобный «методологический поворот» не может не сопровождаться пересмотром эвристической ценности казалось бы закрытых для дальнейшей проблематизации и разработки идей, остававшихся не у дел в период господства классического типа научной рациональности. Как известно, эволюция психологической мысли не подчиняется кумулятивному принципу. Равно как и путь любой другой науки, путь психологии «усеян» концепциями, признававшимися экспертным сообществом маргинальными с позиции господствовавших формаций научного мышления (К. Поппер). Сдвиги методологических платформ и постоянное обновление теоретических оптик порой оборачиваются забвением достаточно эвристичных, но почему-то оказавшихся на периферии, а то и вовсе на обочине психологического познания, концепций. На этом фоне обращение к концептуальным истокам постнеклассической мысли

позволяет не только провести исторические параллели и восстановить преемственность постнеклассического дискурса, но и существенно обогатить его описательно-конструктивный потенциал.

Целью данной работы является установление концептуальных соответствий между стилем мышления (с присущим ему концептуальным аппаратом), культивируемым представителями постнеклассической психологии (в частности, авторами системной антропологической психологии [1, 2]), и идейным наследием А.А. Ухтомского, которое, по нашему предположению, обладает мощным описательно-конструктивным потенциалом, позволяющим достраивать и усиливать эпистемологический корпус современной постнеклассической психологии. Если применить формулу основоположника транспективного анализа В.Е. Ключко, то статья представляет собой попытку «соединить ретроспективный взгляд на процесс становления научной психологии с перспективным анализом ее движения» [2. С. 143]. А.А. Ухтомский во многом опережал свое время, был духовно и интеллигентно избыточен по отношению к доминировавшим в то время методологическим формациям мышления. Он по праву является одним из ярчайших представителей плеяды «подлинно великих» ученых, «которые все еще держат перед нами свои зеркала-образцы своего мышления, но мы не всегда способны опознать в них себя» [3. С. 23]. Эти «рефлексивные зеркала» все еще могут амплифицировать наше профессиональное самосознание, если мы решимся воспользоваться ими и прояснить с их помощью свою сегодняшнюю ситуацию профессионального мышления.

Принято считать, что А.А. Ухтомский вошел в антологию отечественной психологической мысли прежде всего как автор психофизиологического учения о доминанте. При обращении к справочной, энциклопедической и историографической учебной литературе по психологии нетрудно обнаружить, что он упоминается именно в этой ипостаси, – как изыскатель физиологических механизмов, обеспечивающих функционирование широкого спектра психических и поведенческих актов. Учение о доминанте часто «подается» в современных пересказах преимущественно в естественнонаучном ключе: «очаг повышенной активности в мозге человека, связанный с тем, чем человек занят в настоящее время, на что в данный момент времени обращено его внимание» [4. С. 123]. При этом часто остается в тени другой, пожалуй, наиболее значительный аспект научных изысканий ученого, неотделимый от его духовного поиска. Размышления А.А. Ухтомского (в том числе о доминанте) не вписывались в традиционную психофизиологическую канву, в них всегда содержалась печать этико-интеллигентного отношения к познаваемому, присутствовал «нерв» духовного беспокойства. В.П. Зинченко неоднократно указывал на идейное наследие А.А. Ухтомского как на зону ближайшего развития современной психологии: «Осмысление его вклада в психологию – дело будущего, хотелось бы надеяться, не столь отдаленного» [5. С. 81–82].

Идея А.А. Ухтомского о конструктивном, избирательно-порождающем характере психического отражения сформулирована в унисон положению

Л.С. Выготского о психике, ставшему впоследствии хрестоматийным для постнеклассической психологии. «Моцарт психологии» понимал психику как «орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [6. С. 347]. А.А. Ухтомский дает созвучное описание конструктивно-антиципаторной деятельности сознания: «Образы и представления, строящиеся нашим сознанием, оказываются всегда гипотетическими законченностями кусков действительности... гипотетическими проектами действительности!» [7. С. 296]. Автор акцентирует внимание на конструктивной функции сознания, он подчеркивает, что его деятельность носит не столько отражательно-репрезентирующий, сколько проектно-конституирующий характер. В этом плане человек в собственном сознании строит такие составляющие образа мира, которые восполняют пробелы актуального перцептивного поля и превосходят по своей эйдетической полноте любые когнитивные карты. Они всегда избыточны по отношению к простой перцептивной регистрации и группировке объектов того сектора действительности, который соразмерен актуальному перцептивному полю реципиента. Другими словами, образы не несут в себе лишь одну-единственную печать (оттиск) констатирующей предметности, их чувственную ткань «отливает оттенками» вероятностной предметности: «...в них столько же объективной действительности, от меня не зависящей, сколько и моей проектирующей и интерполирующей деятельности!» [Там же. С. 296–297]. Интерполяция становится необходимым моментом построения образа мира, поскольку «наши чувства дают нам мир в выдержках, извлечениях» [6. С. 347]. Воспринимая мир, человек не только строит в своем сознании амодальные эквиваленты объектов, избирательно включенных в фокус интенциональности, но и непрерывно восполняет смысловые пробелы в собственном образе мира, достраивает его подобно тому, как мелодист достраивает целостную мелодию, услышав только первые и последние ноты. В противном случае нарушались бы континуальность и целостность строящегося образа мира.

В качестве «органа отбора», правда, не столь масштабного, А.А. Ухтомский видел «доминанту»: «Итак, человек видит реальность такую, каковы его доминанты, т.е. главенствующие направления его деятельности. Человек видит в мире и в людях predeterminedное своею деятельностью, т.е. так или иначе самого себя» [7. С. 354]. Из этого положения следуют как минимум два принципа: 1) человек воспринимает реальность через призму деятельностного опосредования, точнее, через призму ценностно-целевых ориентиров деятельности; 2) в образе мира человека в качестве смыслопорождающего принципа уже содержится образ самого себя. Можно провести отчетливую концептуальную параллель между первым следствием и одним из центральных положений теории психологических систем: ценностно-смысловая структура деятельности очерчивает границы реальности, в которой эта деятельность потенциально может быть развернута и реализована.

Заметим, что доминанта здесь понимается А.А. Ухтомским гораздо шире, чем ее обычно упоминают психофизиологи, – в антропологическом

ключе. Доминанта понимается как «главенствующее направление деятельности», что позволяет вывести ее за границы мозговых процессов, – в иную, человеко-размерную плоскость анализа, где доминанта может быть понята как целостный «функциональный орган», обеспечивающий деятельность человека ценностно-смысловыми основаниями, так чтобы в ней изживался ситуативно-рутинный контекст и она начинала встраиваться в магистральную линию жизнеосуществления в качестве ноэтического механизма отбора возможностей и событийного обогащения ситуационной фактичности жизни. С точки зрения А.А. Ухтомского, доминанта представляет собой единство внимания, духа и устойчивости личности в противовес «психическому калейдоскопу внимания», отягощенному «много-различным распадом личности» [7. С. 428], которая лишена устойчивого ценностного отношения к миру.

Ценности и смыслы выступают в учении А.А. Ухтомского как персонифицированные «интегралы опыта», наделенные темпоральными качествами: «Интегралы опыта – это то, во что отлилась совокупность впечатлений, приуроченных к определенной Доминанте, которую мы пережили со всею ее историею для нас» [Там же. С. 315]. Примечательно, что «интегралы опыта» являются конечными результатами мышления: «Давно уж я пришел к этому понятию “интегралов опыта” как последних данностей нашей мысли» [Там же. С. 317]. Мысль как комплекс дискретных мыслеобразов, «сбитый» правилами формальной логики в концепт, не есть мысль в ее человеко-размерной полноте. Она может обрести цельность, полноту и завершенность, когда все ее слагаемые будут «прошиты» нитью персонифицированного интеллектуального переживания, сопровождающего историю ее становления. Будучи оторванной от тока переживаний, резонирующих с событиями мышления, мысль выхолащивается и превращается в отчужденный, ничей вербально-логический концепт. Мысль лишь в том случае является персонифицированной, если она переживается субъектом мышления как исключительное событие в пространственно-временной онтологии его бытия.

Проблема, которая занимала А.А. Ухтомского и к которой он неоднократно возвращался в своих размышлениях и переписках, заключалась в необходимости «суметь уловить свою мысль в ее естественном течении и положить ее на бумагу» [8. С. 302], сохранив ее жизненность, эмоциональность и естественность. Этим же вопросом позже был захвачен О.К. Тихомиров, когда разрабатывал экспериментальные «ловушки» для регистрации становящейся мысли, не оторванной от актов ее вызревания, становления, смыслового оплотнения и знаково-символического оформления. Мысль его интересовала прежде всего как живая, динамическая единица, новообразование, которое создается «по ходу мыслительной деятельности» [9. С. 4] – в динамике ее развертывания, а не как застывшая вербально-логическая конструкция – ментальная окаменелость. А.А. Ухтомский был твердо уверен в том, что «...при всей абстрактности по своей природе мысль есть ведь тоже живое переживание» [8. С. 302].

Несмотря временную дистанцию, разделявшую эти двух ученых, мысль для обоих представляла ценность (как предмет исследования), «пока она не зафиксирована и не засушена в препарат», пока она оставалась наполненной «и “эмоциональными” и “волевыми” элементами», пока в ней не вступила в права одна безжизненная статика абстрактной логики [8]. Поэтому в фокусе экспериментальных изысканий О.К. Тихомирова и его учеников оказывались «...возникновение и сложная динамика эмоциональных оценок, невербализованных смыслов, предвосхищений, “предгипотез”, изменение установок в ходе решения задачи» [9. С. 354].

Категория жизни рассматривалась А.А. Ухтомским с такого философско-психологического ракурса, который и сегодня можно приводить в качестве примера сверхсложного мышления. Жизнь мыслилась ученым как неравновесный процесс непрерывного выхода человека из актуального состояния равновесия ради обретения другого состояния равновесия, но более сложного порядка: «Жизнь – асимметрия, с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении» (цит. по: [5. С. 84]). Заметим, здесь преодолевается привычная даже для неклассического мышления антиномия «гомеостаз–гетеростаз». Оба состояния включены в сердцевину колебательного существа человеческой жизни – в тонкую и наполненную рисками балансировку процессов самосохранения и саморазвития.

В.П. Зинченко сетовал на то, что методологическую прозорливость ученого до сих пор не оценили по достоинству: «Эти идеи высказаны А.А. Ухтомским задолго до того, как наш знаменитый соотечественник И.Р. Пригожин начал работать над проблемой созидательной роли неравновесных состояний и вытекающей из этого необратимости природных процессов. Сегодня теория необратимых процессов И.Р. Пригожина в значительной мере определяет развитие естествознания. Вклад А.А. Ухтомского в нее до сих пор не оценен» [Там же. С. 85]. В.П. Зинченко усматривал в асимметричности живого движения источник порождения новых функциональных органов: «Поэтому-то асимметрия, дисгармония, неравновесные состояния приводят не к вожделенному многими поколениями физиологов и психологов равновесию, гомеостазу, единству, гармонии, покою и т.п., а к возникновению все новых и новых состояний, к порождению функциональных органов – новообразований» [Там же]. Неравновесность является свойством психологического (суть смыслового) поля сознания «Отсюда достаточно открывается, что все поле нашего сознания и знания есть постоянное колебание равновесия» [10. С. 78].

Сравнительно недавно дискурс постнеклассической психологии обогатился представлениями об эмерджентных свойствах психики как сложной саморазвивающейся системы, способной к автопоэзису. На фоне многочисленных упоминаний Ф. Варелы, У. Матураны, Э. Морена, И.Р. Пригожина имя отечественного «пророка» и его вклад в понимание спонтанной порождающей активности психики, вызванной необходимостью непрерывной балансировки между равновесием и гетеростазом, которую совер-

шает эта открытая, многомерная функциональная система, несправедливо замалчиваются.

А.А. Ухтомский описывает темпоральный характер смыслополагания, сопровождающего расширение жизненного мира человека: «Проекты новой действительности строятся из пробных комбинаций тех отрывков прежних опытов и впечатлений, которые по своему прежнему протеканию отдалены друг от друга во времени и пространстве, но вызывали более или менее аналогичные переживания, с точки зрения текущих побуждений и исканий человека» [7. С. 295]. Из рассуждения следует, что конституирование жизненного мира разворачивается по принципу со-настраивания переживаний, привязанных к разным пространственно-временным измерениям длящегося опыта жизни человека, так чтобы они образовывали единый хронотоп.

В текущих мотивационных тенденциях и познавательных интенциях человека, производящего набросок жизненного мира, присутствует в свернутом виде вся персональная антология его переживаний. Становящийся человек непрерывно выступает в качестве медиума между персонифицированными, предельно напряженными эпизодами мышления и переживания (как формами жизненных отношений), относящимися к разным пространственно-временным измерениям длящегося опыта. Тотальная идентификация с одним из них будет означать сужение жизненного мира (замыкание жизненного пространства) до вульгарной здесь и теперь ситуации мышления. «Узнавать подлинный смысл настоящего, – подчеркивал А.А. Ухтомский, – значит уже знать его будущее» [Там же. С. 434]. Рассматриваемая здесь идея А.А. Ухтомского очень органично вписывается в концептуальную канву одного из центральных положений системной антропологической психологии: «Все темпоральности человеческой жизни имеют свою специфику, но решающее значение принадлежит их одновременности, согласованности. Потому что целый (аутентичный) человек живет не во времени, а в полноте времен» [1. С. 16].

А.А. Ухтомский задолго до методологического прозрения Дж. Брунера (который только в 1987 г. обратился к исследованию формы мышления, которая выходит за рамки «конструирования логических или индуктивных аргументов», и заявляет о себе в биографических рассказах и описаниях [11]) и весьма остро ощущал событийно-биографический срез проблемы мышления: «Я мучаюсь именно тем, что моя жизнь, и именно даже умственная жизнь, представляется для меня более биографическим, чем логически-систематическим» [10. С. 64].

Умственная жизнь – это не совокупность отдельных эпизодов мышления исторической личности, отвлеченных как друг от друга, так и от самой личности, а длящаяся история ее мышления – непрерывающаяся череда хронотопов, «неизгладимых из бытия» событий мышления. Я употребляю здесь понятие «хронотоп» не случайно. Сам А.А. Ухтомский ввел в философско-психологический дискурс этот описательный конструкт с целью преодоления тех ограничений, которые несли в себе классические абстракции «времени» и «пространства». «Хронотоп» позволял описывать живые

интегральные события (интегралы опыта), в которых воедино «связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [7. С. 343]. В контексте трансспективного анализа – это живые интегральные события становления ментального пространства человека. В этом плане целостной единицей анализа ментального пространства человека, рассматриваемого в призме становления, является хронотоп как своего рода пространственно-временной контрапункт, в котором встречаются условно завершившиеся, актуальные и возможные события мышления. Подобный взгляд полностью соответствует принятому в современной постнеклассической психологии представлению о взаимодействии временных измерений бытия в «саморазвивающихся “человекоразмерных” системах», где «будущее в своей неразвернутой форме представлено в настоящем, а прошлое в своем преобразованном виде включено в будущее и подчинено ему» [2. С. 148].

Концепция мышления А.А. Ухтомского весьма холистична, ей не свойственны традиционные для его времени (впрочем, как и для нашего) оппозиции «аффективное–когнитивное», «эмоция–мысль». Он подчеркивает, что «именно в эмоциональном мышлении человек и творец, и участник бытия. Здесь краешком ему приоткрыто быть одновременно (move together...) и волевым, и интимно-чувствующим, и напряженно проникающим мыслью участником того участка бытия, с которым сейчас соприкасается его жизнь» [7. С. 430]. Конструкт «эмоциональное мышление», позволявший А.А. Ухтомскому описывать целокупного субъекта мышления как созидательного участника бытия, был позже операционализирован в серии экспериментальных исследований, проводимых под руководством О.К. Тихомирова. Возможно, по причине замалчивания избыточных для физиологической психологии (к коей традиционно приписывались работы А.А. Ухтомского) и неудобных для советской психологии идей предшественника, автор «смысловой теории мышления» не имел возможности обратиться к ним. Тем не менее близость взглядов обоих ученых на проблему мышления очевидна. В эмоциональном мышлении открывается онтология мыслящего и целостно понятого человека в контексте его жизни, для которого переживание связи с предметом мышления (суть отношение) является не препятствием, а залогом решения мыслительной задачи: «Отношение идет впереди отражения, прокладывая дорогу произвольной деятельности и направляя тем самым логические процедуры, сокращая и структурно оформляя зоны поиска решения задачи» [2. С. 149].

Еще один концепт А.А. Ухтомского обретает отсроченную операционализацию в серии исследований О.М. Краснорядцевой. Речь идет о «реальном мышлении», которое начнет изучаться путем включения мышления в контекст реальной жизнедеятельности – собственно, в ту естественную «экологическую среду», в которой оно чаще всего и разворачивается. «Реальное мышление знает очень хорошо, что мысль человека – это уже начатки действия и проекты, так или иначе могущие осуществиться и направленные на то, чтобы осуществиться» [7. С. 425]. В исследованиях

О.М. Краснорядцевой было установлено, что универсальное свойство всех проявлений мышления в реальной жизнедеятельности «заключается в его включенности в конкретный момент бытия человека как один из возможных способов реализации образа жизни» (цит. по: [2. С. 150]). А.А. Ухтомский прозорливо подчеркивал, что в «реальном мышлении» берут исток «начатки действия и проекты» – фактически «способы реализации образа жизни» конкретного человека, равно присутствующего как в ситуации мышления, так и в контексте собственного бытия (не только актуального, но и возможного). «Цельная человеческая мысль, – по замечанию автора, – есть всегда попытка спроектировать новую действительность» [7. С. 295]. В контексте проблемы саморегуляции психологической системы велика роль сигнальной функции мысли: «Мысль или ускоряет наступление того опыта (той реальности), о которой говорит, или научает избегать его, может быть, даже предотвращает его наступление» [Там же. С. 138]. Причем способы решения мыслительной задачи становятся коррелятами способов бытия.

Таким образом, мышление для А.А. Ухтомского предстает не как цепочка мыслительных операций безликого лабораторного человека, подчиненных задачной логике, но как когитальная проекция (мыследеятельностный коррелят) способа бытийно-познавательного отношения конкретного человека к собственной жизни в целом, преломленного в призме неслучайно выбираемого им способа решения мыслительной задачи, что тождественно неслучайно выбираемому проекту потребностного будущего (наброску предстоящих событий жизнеосуществления).

Само научное познание, вопреки требованиям естествознания к отстраненности исследователя, элиминированию его ценностного и личностно-смыслового отношения к познаваемому, понималось А.А. Ухтомским как страстное, живое постижение действительности, противопоставленное кабинетному консервированию удобных и портативных истин: «Наука как спокойное складывание кирпичик за кирпичиком некоего храма усредненных, для всех “удовлетворительных” истин с принципом самоутверждения и энтропического покоя “безэмоциональной мысли”» [Там же. С. 309]. А.А. Ухтомский был захвачен идеей живой, органической психологии и категорически не разделял интереса современников к построению абстрактных моделей психической жизни типового, безликого человека: «Вся живая действительность застлана плотной сетью абстракций досужекабинетного происхождения, так что уже ничто в природе не видно открытым сердцем, открытым взором, непосредственным восприятием... Куда бы спастись от этих абстракций, от искаженной ими природы – где бы найти те пустыни, омуты, дебри, где бы не успел еще устроить себе абстрактный человек курорта?» [10. С. 227–228].

Заключая, следует сказать, что данная работа замышлялась как попытка показать на конкретном концептуальном материале «единство и преемственность психологического знания в динамике меняющихся форм и стилей профессионально-психологического мышления» [1. С. 17]. Процесс перерождения научной ткани психологии не может ограничиваться беско-

нечной погоней за теоретическими новациями, которые без должного соотношения со своими концептуальными истоками рискуют превратиться в сонм терминологических фетишей-однодневок, подменяющих собой историко-эволюционный процесс становления психологической мысли. Нам как исследователям и очевидцам этого процесса необходимо понимать, что сейчас не отменяются все те протопонятия и концепты – предвестники постнеклассического мышления, которыми продолжает мерцать исторический путь становления психологического познания. Предать их забвению, – все равно что из сегодняшнего дня отказать (исходя из мнимого чувства собственного методологического превосходства) целой плеяде предтеч постнеклассической психологии в возможности полагать те горизонты научного мышления, которые и по сей день составляют для нас актуальную и отчасти ближайшую зону развития психологического познания. Во избежание подобных ошибок необходимо понять его хронотопичность: «Сейчас только подытоживается то, что было и складывалось» [7. С. 350].

Литература

1. Ключко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
2. Klochko V.E., Galajinsky E.V., Krasnoryadtseva O.M., Lukyanov O.V. Modern psychology: system anthropological approach // European Journal of Psychological Studies. 2014. № 4 (4). С. 142–155.
3. Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Развитие многомерного профессионального мышления преподавателей исследовательского университета. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2016. 196 с.
4. Немов Р.С. Психологический словарь. М. : ВЛАДОС, 2007. 560 с.
5. Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (к 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 79–97.
6. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса : методологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291–437.
7. Ухтомский А.А. Доминанта. Статьи разных лет. 1887–1939. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
8. Ухтомский А.А. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб. : Петербургский писатель, 1996. 528 с.
9. Тихомиров О.К. Психологические исследования творческой деятельности. М. : Наука, 1975. 253 с.
10. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. Рыбинск, 1997. 576 с.
11. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1 (2). С. 9–29.

Поступила в редакцию 15.01.2019 г.; принята 06.08.2019 г.

Нелюбин Николай Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета.
E-mail: nelubin2001@yandex.ru

For citation: Nelyubin, N.I. Forerunners of Post-Non-Classical Thinking in Russian Psychology: A.A. Ukhtomsky. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2019; 73: 6–16. doi: 10.17223/17267080/73/1. In Russian. English Summary

Forerunners of Post-Non-Classical Thinking in Russian Psychology: A.A. Ukhtomsky

N.I. Nelyubin^a

^a *Omsk State Pedagogical University, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation*

Abstract

The author turns to the analysis of the conceptual sources of post-non-classical thinking of Russian psychology in the article. The specific goal of the methodological research is to reconstruct the ideas of A.A. Ukhtomsky. His ideas contain positive heuristics for the epistemological corps of systemic anthropological psychology. The author, adhering to the logic of the transpective analysis proposed by V.E. Klochko, shows that the ideas of Ukhtomsky have underestimated descriptive constructive potential and can act as a reflexive methodological amplifier of the professional thinking among representatives of modern post-non-classical psychology.

The concepts of “dominant”, “chronotope”, ideas about the temporal character of sense-setting, about the project-constitutive nature of mental reflection, about the life-affective dimension of human thinking, about the imbalance of the living psychological system are examined as the most heuristic for post-non-classical psychology ideas of A.A. Ukhtomsky.

The dominant in the context of the human-size plane of analysis is considered as an integral “functional organ” that ensures human interaction with the world of value-semantic bases, as a noetic mechanism for selecting opportunities and event-based enrichment of situational factuality of life. In the reflections of A.A. Ukhtomsky outlined a temporal view of the process of constituting the life world, which unfolds according to the principle of co-setting up experiences that are tied to different spatial and temporal dimensions of the ongoing human life experience, so that they form a single chronotope. Accounting for the interpolating function of consciousness, the importance of which was emphasized by A.A. Ukhtomsky, allows us to complement the well-known postulate by L.S. Vygotsky on the selectively-generating nature of mental reflection.

Drawing a parallel between the representations of A.A. Ukhtomsky about thinking and the basic provisions of the semantic theory of thinking by O.K. Tikhomirov, we can find that the thought interested both scientists, above all, as a living, dynamic neoplasm, retaining the imprint of a person’s vital-emotional attitude to the subject of thought. Just from the works of A.A. Ukhtomsky it clearly follows that real thinking goes beyond the framework of mental operations subordinate to task logic and is regarded as a cogital projection of the dominant way of the existential-cognitive attitude of a particular person to his own life as a whole. This existential-cognitive relation is manifested, above all, in the method of solving a mental task that is not accidentally chosen by him, which is identically not the accidentally chosen project of the image of the world and the way of life. The idea of the inclusion of real thinking at a particular moment of a person’s life was subsequently obtained by experimental justification in the studies of O.M. Krasnoryadtseva.

Summing up the methodological research, the author justifies the need for modern scientists to turn to the early conceptual sources of Russian post-non-classical psychology.

Keywords: post-non-classical psychology; transpective analysis, thinking; thought; dominant; chronotope.

References

1. Klochko, V.E., Galajinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2015) System anthropological psychology: framework of categories. *Sibirskiy psikhologicheskii*

- zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/56/2
2. Klochko, V.E., Galajinsky, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Lukyanov, O.V. (2014) Modern psychology: system anthropological approach. *European Journal of Psychological Studies*. 4(4). pp. 142–155.
 3. Klochko, V.E. & Krasnoryadtseva, O.M. (2007) *Razvitie mnogomernogo professional'nogo myshleniya prepodavateley issledovatel'skogo universiteta* [The development of multidimensional professional thinking of educators in a research university]. Tomsk: Tomsk State University.
 4. Nemov, R.S. (2007) *Psikhologicheskii slovar'* [The Psychological Dictionary]. Moscow: VLADOS.
 5. Zinchenko, V.P. (2000) Aleksey Alekseevich Ukhtomskiy i psikhologiya (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [Alexey Alekseevich Ukhtomsky and psychology (on the 125th anniversary of his birth)]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 79–97.
 6. Vygotzky, L.S. (1982) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected works. In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 291–437.
 7. Ukhtomsky, A.A. (2002) *Dominanta. Stat'i raznykh let. 1887–1939* [Dominant. Various Papers. 1887–1939]. St. Petersburg: Piter.
 8. Ukhtomsky, A.A. (1996) *Intuitsiya sovesti: Pis'ma. Zapisnye knizhki. Zametki na polyakh* [Intuition of Conscience: Letters. Notebooks. Marginalia]. St. Petersburg: Peterburgskiy pisatel'.
 9. Tikhomirov, O.K. (1975) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy deyatel'nosti* [Psychological Research of Creative Activity]. Moscow: Nauka.
 10. Ukhtomsky, A.A. (1997) *Zasluzhennyy sobesednik: Etika. Religiya. Nauka* [Honored Interlocutor: Ethics. Religion. Science]. Rybinsk: Rybinskoe podvor'e.
 11. Bruner, J. (2005) *Zhizn' kak narrativ* [Life as narrative]. Translated from English by M.V. Sokolova. *Postneklassicheskaya psikhologiya*. 1(2). pp. 9–29.

Received 15.01.2019; Accepted 06.08.2019

Nikolaj I. Nelyubin – Associate Professor, Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Cand. Sc. (Psychol.).
E-mail: nelubin2001@yandex.ru